

Предисловие юриста

Профессор А.Н. Баранов — признанный авторитет в области языкоznания — создал капитальный труд, итожащий его собственный 15-летний опыт проведения лингвистических экспертиз. Разумеется, книга будет востребована в первую очередь филологами, работающими или собирающимися работать в сфере прикладной лингвистики. Несомненна и ее польза для специалистов в сфере информационного права и журналистской аудитории. Но я решил написать несколько вступительных строк к книге, поскольку ознакомление с ней убедило меня в том значении, какое она может иметь для профессионального роста практикующих юристов: судей, следователей, адвокатов.

Лингвистическая экспертиза была массово затребована отечественной юстицией в начале 90-х годов XX в., когда на гражданское правосудие обрушилась (и с тех пор не спадает) лавина исков, преимущественно к СМИ, о защите чести, достоинства и деловой репутации. Журналистская продукция представлена текстами разного профессионального жанра и уровня. Смысловое содержание одних просто и ясно, можно сказать, лежит на поверхности. Но смысл других постигается тщательной аналитической работой, извлекается из контекста и подтекста, каскадов намеков и вопросов, разоблачением изощренных стилистических приемов манипулирования сознанием респондентов. К аргументированной и компетентной оценке таких текстов суды оказались не готовы и запросили помощи. Она пришла со стороны лингвистики. Спорные тексты стали предметом консультирования либо экспертных заключений. А затем и... бесспорные.

Ситуация, когда суды и стороны начали едва ли не по каждому диффамационному делу обращаться за разъяснениями к филологам, сложилась довольно быстро. Сработала судебская психология, в принципе настроенная на привлечение специалистов: это облегчает работу и создает эффект большей обоснованности решения. Но не только. «Лингвистической наркотизации» способствовал состав участников диффамационных процессов: обидчиками или обиженными в значительной их части выступают государственные мужи (губернаторы,

мэры, депутаты, прокуроры etc.). Политический окрас также повышает нужду в научном прикрытии судебного решения.

Вскоре на «лингвистическую иглу» подсело уголовное правосудие. Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализированных словах — клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, — по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза. «Специальные познания», о необходимости которых заявляют следователи и судьи, содержатся в двух-трех словарях русского языка. И можно только присоединиться к А.Н. Баранову, когда он честно констатирует: «Значительная часть лингвистических экспертиз как раз посвящена доказательству очевидного». Думается, наши юристы не в лучшем виде предстают перед лингвистами, требуя научного исследования значения известного слова из трех букв в отношении известно какой национальности, или глагола *бей* (неважно кого), либо, например, разъяснения смысла слова *значит, некий, похитил*, или выражений *держать в подвешенном состоянии, нетрадиционная ориентация в плане секса, админхактив, да, Вы знаете, это совершенно так* и т.п.¹ Необходим срочный языковой ликбез для юристов либо краткие курсы профессиональной этики. Скорее всего, и то и другое.

Пример осознания профессиональной чести и приверженности истине демонстрирует сам автор. Научные авторитеты, в отличие от политиков и звезд шоу-бизнеса, обычно «широко известны в нешироких кругах». Но ситуация меняется, когда предмет их изысканий приобретает общественное звучание, становится информационным поводом для политических игр и пиаровских акций.

Имя проф. Баранова стало широко известно в связи с экспертизами, проведенными им по двум делам — Баяна Ширянова (Кирилла Воробьева) о порнографии и Филиппа Киркорова об оскорблении. Вокруг обоих кипели подогреваемые со-перничающими политическими силами нешуточные страсти, шло публичное побивание камнями, и на голову автора лингвистических экспертиз со стороны тех, кого не устроили их выво-

---

¹ См., в частности: *Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации*. М., 2003.

ды, сыпались едва ли не проклятья. Поэтому то, что А.Н. Баранов в качестве примеров лингвистической экспертизы текстов представил свои заключения именно по этим делам, — дорогостоящего стоит.

Юристы на этих примерах смогут не только по достоинству оценить высокий уровень работы эксперта-лингвиста, не только убедиться в исключительной сложности правовой квалификации написанных или произнесенных слов, но и еще отнюдь нелишний раз задуматься над уместностью криминализации порнографии и оскорблений, в силу присутствия высокой порции субъективизма и оценочности. Значительно эффективнее тут будут гражданско-правовые санкции. Совсем вывести эти действия из правовой сферы не получается, да и вряд ли будет правильным в нынешней ситуации нравственной деградации общества и почти полной утраты такой моральной ценности, как репутация.

Но жизнь продолжается, может, опять вернется к нам «нерукопожатность», которая, конечно же, более эффективна, чем судебный приговор.

«Значительная часть моральных установлений должна оставаться в сфере неформального общественного договора и регулироваться на уровне частной и общественной коммуникации», — это заключение весомо, когда к нему приходит в итоге своих исследований настоящий ученый.

Президент Адвокатской палаты г. Москвы
Заслуженный юрист РФ
Г.М. Резник

От автора

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой итог многолетней работы автора в сфере лингвистических экспертиз. Она была задумана еще в середине 90-х годов прошлого века — страшно подумать. Нет ничего проще, чем задумать и даже начать писать книгу. И действительно, эта книга начиналась много раз. Однако затем работа даже не прекращалась, а медленно затухала. То появлялись новые важные установочные документы, менявшие взгляд на суть экспертных проблем², то давали о себе знать всякие сложности бытия, отодвигавшие проект книги о лингвистических экспертизах в неопределенное, но всегда замечательное будущее.

Окончательная решимость довести дело до конца образовалась сама собой в 2005 г. в период пребывания автора в университете Чжэнчжи. Воздух свободы и независимости о. Формоза способствовал продвижению проекта: отложив в сторону и изучение китайского языка, и тщательное знакомство с культурой и обычаями аборигенов, автор несколько редуцировал исходный замысел и довел-таки текст до окончательного вида. Пришлось отказаться от сулящей множественные перспективы темы автороведческих экспертиз. Дело в том, что по жанру и методам экспертизы по установлению авторства существенно отличаются от лингвистической экспертизы текста, основанной прежде всего на семантическом анализе плана содержания и использовании соответствующих метаязыков. Экспертизы по установлению авторства предполагают широкое использование аппарата математической статистики — лингво-статистического анализа. Тем самым, раздел автороведческой экспертизы в этой книге выглядел бы чужеродно. Кроме того, по предполагаемому объему он мало в чем уступает оставшемуся тексту. Иными словами, работа об автороведческих экспертизах уже по привычке отодвинута в светлое будущее, которое, однако, непременно должно состояться.

---

² Последний документ — очередное Постановление пленума Верховного суда РФ — появился аккурат под завершение книги в начале 2005 года.

Наконец, изначально не планировалось обсуждение экспертиз звучащей речи. Эта проблематика, будучи важной частью экспертной деятельности лингвистов, находится за пределами интересов автора и его компетенции. О письменном тексте говорит и название книги, хотя в расширительном понимании к тексту, разумеется, относится и звучащая речь.

Исходным материалом для книги послужил архив, насчитывающий около 200 экспертных заключений, составленных автором по искам о защите чести и достоинства, по делам о порнографии, разжигании межнациональной розни, оскорблении, клевете, а также по судебным спорам в сфере патентования, товарных знаков, рекламы. Значительная часть экспертных заключений составлялась по обращениям граждан в Институт русского языка РАН. По большей части это проблемы интерпретации семантики текста — анализ многозначности фраз, выявление возможностей того или иного понимания слов и синтаксических конструкций, а также попытки хоть какой-то смысловой интерпретации языковых форм, отражающих поток бюрократического сознания породивших их чиновников.

Тексты экспертных заключений, как правило, модифицировались (это касается и имен вовлеченных лиц, а также названий компаний и организаций). Это объясняется многими причинами. Во-первых, жанровые особенности текстов заключений существенно отличаются от жанра научной монографии. Во-вторых, многие экспертизы требуют для лингвиста, впервые сталкивающегося с экспертной деятельностью, комментария. Последний, впрочем, часто необходим и специалистам. В-третьих, экспертизы выполнялись автором в течение почти пятнадцати лет. За это время существенно изменились методологические основания экспертной деятельности лингвистов, появились новые методики работы, инициированные развитием лингвистической теории. Очень важные результаты были получены в изучении дискурса, развивалась теория текста и лингвистическая прагматика. Были обобщены и уточнены многие положения теории речевых актов, существенно модифицирован концептуальный аппарат теории аргументации и начались исследования в области языка рекламы и отечественной политической лингвистики. В-четвертых, изложение материалов в книге предполагает направление — от поня-

тийных категорий, от инструментария экспертной деятельности к разбору конкретных примеров из практики. Полные тексты экспертиз никак не вписываются в такую стратегию изложения материала. Наконец, в-пятых, точное воспроизведение некоторых экспертиз невозможно из-за соображений конфиденциальности, хотя зачастую они представляют значительный интерес с чисто научной точки зрения. В этих случаях обойтись без изменения текста экспертизы вообще невозможно. Кроме того, опыт публикации текстов экспертиз уже есть, хотя и не во всем удачный³. Исключение сделано лишь для двух экспертиз по судебным делам, вызвавшим широкий общественный резонанс (см. главу 8).

Считаю приятным долгом поблагодарить своих коллег-сбратцев по экспертной деятельности в Институте русского языка РАН. Л.П. Крысин своим разумным взглядом и трезвостью оценок способствовал эволюции взглядов автора в нужном направлении и ненавязчиво, но решительно поддерживал его в процессе написания книги. О.М. Грунченко обратила внимание автора на отсутствие методологических оснований некоторых видов экспертных работ, ее организаторская деятельность и управлеческие таланты вне конкуренции; И.Б. Левонтина споспешествовала автору в ряде pragmatischeskix kolizij lingvisticheskix ekspertiz; ее профессиональная солидарность вызывает искреннюю благодарность автора, а искусство аргументирования восхищает своей эффективностью.

Экспертная деятельность во многих случаях оказывается коллективным предприятием. Автор искренне благодарен своим соавторам по экспертизам — Ю.А. Сафоновой, стоявшей у истоков экспертной работы в ИРЯ РАН, П.Б. Паршину, отличающемуся широкой эрудицией, нетривиальным подходом к объекту экспертного исследования, сотруженику и по другим научным предприятиям, Ю.К. Пироговой, обладающей ис-

³ См.: Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001. Первое издание книги после существенного расширения авторского состава и тематических разделов превратилось в разношерстный сборник работ *Цена слова*. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2003.

ключительной дотошностью и умением обнаруживать главное в деталях, О.М. Грунченко, стоящей на страже истины, духа и буквы экспертного заключения.

Наконец, желаю выразить всяческую признательность человеку, приобщившему автора к лингвистическим экспертизам, — открывателю нетривиального в языке и жизни В.И. Беликову.

С окончательным вариантом книги познакомился Г.М. Резник, которому я очень благодарен за неформальное предисловие и важные соображения о статусе и характере лингвистической экспертизы в современной российской судебной практике.

Многие сюжеты экспертной деятельности, обсуждаемые в книге, обязаны своим возникновением моему многолетнему сотрудничеству с адвокатской коллегией «Львова и Партнеры». Я искренне признателен Е.Ю. Львовой и А.Л. Макарову за нетривиальные судебные дела и проницательные юридические комментарии.

Данная книга не состоялась бы и сейчас, если бы не сочувственное и добре отношение ко мне китайских коллег университета Чжэнчжи и его администрации.

Кажется, все...

декабрь 2005 г.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Демократизация общества (как бы она ни понималась и ни оценивалась) и формирование сферы публичной политики с начала 90-х годов XX в. привели к появлению новых дисциплин прикладной лингвистики. К ним можно отнести возникновение на отечественной почве политической лингвистики, изучение языка рекламы, развитие прикладных методик лингвистического мониторинга языка средств массовой информации — как для целей лингвистической теории и культуры речи, так и для выявления изменений в структуре общественного сознания по данным языка и т.д. К таким успешно развивающимся направлениям прикладного языкоznания относится и **лингвистическое консультирование** — использование знаний о структуре и функционировании языка для оптимизации использования языка в СМИ, публичной политике, в преподавании, в законодательной деятельности, в юридической сфере, в обеспечении эффективного документооборота и т.д. Аналогом данного направления в области политологии можно считать **политическое консультирование**, целью которого является применение знаний о способах взаимодействия с общественностью, инструментах исследования общественного сознания, о практике проведения избирательных кампаний для организации деятельности политических субъектов различного уровня⁴.

В отличие от политического консультирования, в область лингвистического консультирования непосредственно входит обеспечение проведения лингвистических экспертиз различной целевой направленности — и прежде всего для судебной сферы, области патентоведения и товарных знаков. Лингвистические экспертизы в судебной сфере иногда называются в литературе **юрислингвистикой**⁵. В Германии близкие направления имеют наименования — forensische Linguistik букв. ‘судеб-

---

⁴ См. по этому поводу, напр.: *Политическое консультирование / Под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1999.*

⁵ См., в частности: *Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы*. Барнаул, 2002.

ная лингвистика', *Rechtslinguistik* букв. 'правовая лингвистика'⁶. При этом *forensische Linguistik* чаще всего понимается как использование знаний о функционировании языка в проведении следствия, а *Rechtslinguistik* охватывает область функционирования языка в суде, языковую форму юридической аргументации, языковые требования к оформлению юридических документов, интерпретацию семантики текстов документов и т.д.

Очевидно, что сфера лингвистических экспертиз, связанных с использованием знаний о функционировании языка, не совпадает ни с «юрислингвистикой», ни с «правовой лингвистикой». Например, лингвистическая экспертиза товарного знака необязательно связана с юриспруденцией, хотя и может использоваться для регулирования правовых отношений. Аналогично автороведческая экспертиза — экспертиза по установлению авторства текста — не всегда предусматривает судебное разбирательство. Ср. в этой связи многочисленные исследования авторства «Тихого Дона», произведений У. Шекспира, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.В. Маяковского и др., имеющие скорее общественный резонанс, чем судебную перспективу. Сам термин «экспертиза» понимается в этом случае несколько расширительно — как зафиксированное в той или иной форме (в письменном документе, устной консультации) мнение лингвиста о тех или иных языковых феноменах. При этом существенно, что выводы лингвиста, отражающие его мнение, используются за пределами лингвистики — в литературоведении, истории, юриспруденции и т.д. В этом, кстати, важнейшая особенность лингвистических дисциплин, входящих в широкое направление прикладной лингвистики, занимающейся оптимизацией функций языка и приложением знаний о языке в других науках и сферах практической деятельности человека⁷. Иными словами, лингвистическую экспертизу текста также следует рассматривать в ряду дисциплин прикладной лингвистики.

---

⁶ *Untersuchungen zur Rechtslinguistik. Interdisziplinäre Studien zu praktischer Semantik und Strukturierender Rechtslehre in Grundlagen der juristischen Methodik* / Müller, Friedrich (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 1989.

⁷ О прикладной лингвистике и ее задачах см.: Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2000 (2-е изд. — 2003).

В том же самом расширительном смысле используется термин «экспертиза» и в данной книге. В дальнейшем речь пойдет о лингвистической экспертизе текста, при этом текст также понимается довольно широко: это продукт речевой способности человека, используемый в коммуникации между людьми и в общественной коммуникации между политическими субъектами. Общественная коммуникация отличается от обычной тремя важнейшими характеристиками. Во-первых, в качестве участников этой коммуникации выступают и отдельные люди, и политические субъекты. Говорящие в последнем случае, скорее, представляют этих политических субъектов. Если реальных политических субъектов нет, а конкретные люди на самом деле являются представителями одного политического субъекта (например, одной политической партии, организации или движения), то и коммуникация оказывается ритуализированной, неполноценной⁸. Во-вторых, общественная коммуникация чаще всего оказывается не непосредственной, а отложенной, т.е. реакция на речевое сообщение следует не сразу, а через какое-то время. Зато и количество реакций неограниченно — в отличие от обычного диалога между двумя людьми. Наконец, в-третьих, общественная коммуникация усложнена за счет множества семиотических кодов. Кроме собственно языка, в ней используются коммуникативные акты-события, язык искусства, ритуал и другие феномены коммуникативного взаимодействия между людьми.

Одной из сфер общественной коммуникации являются, разумеется, средства массовой информации. В определенном смысле коммуникацией можно считать и сферу рекламы, конкуренцию брендов, товарных марок и товарных знаков. Все это также в той или иной мере обсуждается в книге под общим термином «текст». Особый интерес представляет экспертный анализ неоднородных текстов — текстов, включающих как вербальные, так и невербальные составляющие. Об этом тоже идет речь в книге.

Как назвать эту, по необходимости грубо очерченную, сферу использования знаний о языке, сферу лингвистического консультирования? Естественно выбрать расширитель-

---

⁸ См. по этому поводу: *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.*

ный термин, например «лингвистическое экспертоведение», «лингвистическая экспертология» или «теория лингвистических экспертиз». Первые два термина содержат неологизмы, степень приемлемости которых неочевидна. В дальнейшем в качестве рабочего термина в указанном значении используется выражение **теория лингвистических экспертиз**, или **теория лингвистической экспертизы текста**.

Классификация лингвистических экспертиз может проводиться по различным параметрам⁹. Формальные критерии не представляют существенного интереса с точки зрения собственно теории лингвистических экспертиз, хотя и влияют на процедуру выполнения экспертизы и способ представления результата. По формальному параметру лингвистические экспертизы (и не только собственно лингвистические) разделяются на две большие группы: официальные и инициативные. **Официальные** экспертизы выполняются по постановлению суда или органов дознания и имеют статус доказательств. **Инициативные** экспертизы выполняются по инициативе любых заинтересованных физических и юридических лиц (в том числе ответчиков и истцов, адвокатов, частных фирм, государственных организаций, патентных поверенных и т.д.). Инициативные экспертизы могут признаваться правомерным доказательством только по решению суда или органов дознания. Инициативные (неофициальные) экспертизы чаще называются **заключением специалиста**. По количеству экспертов различаются комиссионные и некомиссионные экспертизы. **Комиссионные** экспертизы выполняются несколькими экспертами, а **некомиссионные** — только одним. Чаще всего комиссионные экспертизы назначаются в трех типах ситуаций. Во-первых, когда случай сложен и требует привлечения знаний нескольких специалистов. Во-вторых, когда предмет исследования экспертизы носит междисциплинарный характер и его правильная оценка невозможна в рамках одной научной или практической дисциплины. Так, экспертизы товарных знаков обычно предполагают участие лингвиста, специалиста по товарным знакам и/или специалиста из сферы рекламы. Текстологичес-

---

⁹ Параметры классификации судебных экспертиз различных типов подробно разбираются в пособии: Аверьянова Т.В. Судебные экспертизы: Курс общей теории. М.: Норма, 2006.

кие экспертизы по делам о порнографии, как правило, также являются комиссионными и включают кроме лингвиста еще и специалиста по социальной психологии и/или культурологии. Довольно сложными обычно являются дела о разжигании межнациональной розни, которые также часто требуют комиссионных экспертиз с участием лингвиста, социального психолога/социолога, а часто и политолога. Наконец, третий случай — общественная значимость дела. В такой ситуации комиссионная экспертиза призвана сформировать научную базу для выводов прокуратуры или решения суда.

По объекту лингвистических экспертиз выделяются экспертизы звучащей речи, экспертизы письменного текста и вербально-визуальные экспертизы. В **экспертизах звучащей речи** исследуются акустические характеристики речевых высказываний, в частности для определения автора речевого сообщения. Если в экспертизах звучащей речи используется специальный инструментарий акустики, фонетики и фонологии, то **экспертизы письменного текста** разнообразны по своей направленности и используемым методикам. В экспертизах такого рода может использоваться и морфологический анализ (например, при исследовании сходства и различий товарных знаков), и синтаксический анализ (например, для определения синтаксической сложности текстов при установлении авторства), и семантический анализ (например, семантическое исследование инвектив в экспертизах по делам о защите чести и достоинства), и анализ текста (например, в экспертизах по определению семантического подобия текстов), и лингвостатистический анализ (например, в экспертизах по установлению авторства).

Вербально-визуальные экспертизы в качестве объекта для исследования имеют сложно организованный феномен — сочетание верbalной и невербальной информации, т.е. комбинация текста и изображения. Это оказывается необходимым, например, при оценке степени близости товарных знаков, когда по набору символов, графем или «буквоподобных» элементов товарные знаки близки, но изобразительно поданы по-разному (ср. дело по товарным знакам AIGLE и ЭGLE¹⁰).

---

¹⁰ Экспертиза, проведенная автором совместно с Ю.К. Пироговой и Э.И. Почтарь.

Анализ изображения и текста в единстве требуется и в тех случаях, когда семантика текста или его фрагментов, иллюстрирующих изображение, не вполне ясна. Так, выражение *Знай наших!* может использоваться и как фразеологизм в значении ‘выражение говорящим положительных эмоций, вызванных чем-либо, интерпретируемым как знак превосходства лица или группы лиц, с которыми говорящий себя отождествляет’, и как свободное словосочетание — императив-рекомендация, коммуникативная цель которого заключается в том, чтобы рекомендовать адресату пополнить свои знания о конкретной группе лиц, с которыми говорящий себя отождествляет. В одном из экспертных дел предметом исследования оказалась фраза *Знай наших!*, помещенная на банке напитка «Fruttola»¹¹. Претензия заключалась в том, что эта фраза была ранее закреплена как слоган в составе товарного знака другого производителя, причем именно в функции фразеологизма. Анализ фрагментов текста и изображения на банке «Fruttola» позволил сделать вывод о том, что в рассматриваемом случае фраза *Знай наших!* использована в прямом значении и, следовательно, не может рассматриваться как заимствование слогана из товарного знака другого производителя (см. подробнее обсуждение этой экспертизы в третьем параграфе главы 5).

В ряде случаев вербально-визуальная экспертиза требует анализа целого видеоряда в его сочетании с вербальными элементами. Так, исследование видеоряда, его текстовых составляющих и текста «за кадром» позволило показать, что мини-сюжет о производстве парфюмерной продукции фирмы «МИРРА» и иллюстрирующий ее «закадровый» текст, с одной стороны, и фраза о распространении фальшивой парфюмерии и косметики из мини-сюжета о проверке вьетнамского рынка — с другой, связаны отношением экземплификации, т.е. фирма «МИРРА» связывается в телевизионной передаче с производством нелегальной продукции (см. подробнее главу 3).

Уже упоминавшиеся **автороведческие экспертизы**, задачей которых является установление авторства текста, существенно отличаются по методологии и используемому исследовательскому аппарату от экспертиз других типов. В силу этого они в данной книге не рассматриваются.

---

¹¹ Экспертиза проводилась автором совместно с О.М. Грунченко.

По области применения следует как минимум различать **юридическую/правовую экспертизу и патентоведческую экспертизу**. Юридическая/правовая экспертиза разделяется по институциональным основаниям на экспертизу по делам о защите чести и достоинства; экспертизу по делам о клевете; экспертизу по делам о разжигании межнациональной розни; экспертизу по делам о порнографии. Все эти типы экспертиз так или иначе обсуждаются в последующих главах книги.

По объему анализа выделяются **холистические («цельно-текстовые») экспертизы и частные экспертизы**. В последних толкуются значения слов, словосочетаний и высказываний в рамках текстов законов и подзаконных актов; выявляются омонимия, полисемия и синонимия слов и синтаксических конструкций и т.д.

По уровням анализа языка выделяются **почерковедческие экспертизы** (анализ почерка); **фонетические** (в том числе фонологические и интонационные); **морфологические** (чаще всего при анализе товарных знаков); **текстологические**, в том числе **лингвостилистические** (фразовый и сверхфразовый уровень); **дискурсивные экспертизы**. В последних осуществляется исследование вербальных и невербальных компонентов реальной коммуникативной ситуации: анализируется и печатный/расшифрованный устный текст, и аудиовизуальный ряд, что предполагает учет жестикуляции, мимики и координация между визуальным рядом и вербальными комментариями и т.д. Дискурсивные экспертизы позволяют, кроме всего прочего, выявлять коммуникативные намерения участников ситуации общения, что важно, например, при определении намерения дать взятку, при выявлении и квалификации угроз, призывов и т.д.

С методической точки зрения проведение экспертизы предполагает выполнение по крайней мере следующих этапов:

- Определение непосредственного объекта анализа (выделение лингвистического аспекта поставленных эксперту вопросов).
- Определение глубины анализа, круга привлекаемых источников информации по самому делу (часто глубина исследования ограничивается внешними факторами, например объемом материалов, которые предоставляет эксперту суд;

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru